М. Е. Массон

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ПАРФИИ

(Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 21 марта 1950 г., посвященном итогам археологических работ ИИМК за 1949 г.)

Работающая в соответствии с пятилетним планом, выработанным на первом Всесоюзном археологическом совещании в Москве в 1945 г., Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) особое внимание уделяет периоду существования Парфянского государства Арсакидов. С 1946 по 1949 г. проведены рекогносцировочные изыскания в ряде районов от берегов Каспийского моря до Аму-Дарьи, разведочные работы на территории древнего Мерва и раскопки на площади двух городищ — Старая и Новая Ниса.

Зарегистрировано свыше двух десятков разного типа поселений арсакидского времени. Среди них такие крупные города, как Мерв и Ниса, возникшие задолго до появления на исторической арене Парфянского государства, а в пору его существования ставшие центрами жизни эллинизированной верхушки тогдашних правящих классов. Наряду с ними изучались менее значительные провинциальные городки. Отмечено несколько типов сельских поселений разного бытового уклада: оседлого населения, полуоседлых скотоводов и кочевников. Исходя из показаний Страбона, основная часть сведений которого о Парфии восходит ко второй половине I в. до н. э. (хотя писал он свой труд в I в. н. э.), что горы Маргианы и Арии были заняты народом, живущим в шалашах, можно допускать существование в то время в Парфии племен, в хозяйстве которых видную роль играла охота. Во всяком случае о племенах Средней Азии, основным занятием которых еще и в X в. была охота, есть прямые указания арабских географов.

Судя по отрывочным письменным известиям греческих и римских авторов, значительный массив населения северо-восточных окраин Парфянского государства до конца существования последнего удерживал в образе жизни и в нравах «много варварского и скифского», т. е. черты первобытно-общинного строя. В этом Страбон усматривал для парфян «благоприятные условия для преобладания над другими и для успехов в войне» (XI, 9). Парфяне, а вернее дахо-парно-парфянские племена, выбиравшие, как писал Помпей Трог (XLI, 2), «вождей на войне и управителей в мире» из «ближайшего к царскому достоинству сословия» и служившие опорой династии Арсакидов, разводившие прославленных в древно-

сти коней и поставлявшие великолепный контингент кавалерии парфянскому войску, дававшие отличных конных стрелков из лука, парфяне, женщины которых ткали ковры, окрашиваемые особым, отличным от других способом (Плиний, VIII, 48),— предстают перед нами, как, определенная часть населения Парфянского государства, сохранившая пережитки родовой организации и патриархальных отношений. Подавляющая масса их жила, без сомнения, не в городах, где преимущественно пребывали представители нескольких сот семейств родовитой землевладельческо-рабовладельческой знати, купцы, в меньшем числе жрецы. В сельских местностях оазисов, в горах и в песках проживали члены разноплеменных общин, крестьяне и скотоводы, частью свободные, а в основном как-то пожизненно зависимые от родовой знати, опиравшейся на них, обучавшей их верховой езде и владению оружием, воспитывавшей их, по данным Помпея Трога, «с той же заботливостью, как своих детей», и поставлявшей их арсакидским царям на войну в том или ином количестве, в зависимости от своего положения и достатка. Это отнюдь не были рабы, хотя Помпей Трог применяет для определения их положения, не имевшего аналогий в римском обществе, термин servitium, а Плутарх — термин δούλος. Буквальный перевод этих слов в первом основном значении исключен уже в силу того, что в ту пору в средиземноморских рабовладельческих обществах часто происходили крупные восстания рабов и парфяне не стали бы рисковать устоями своего государства, обучая военному делу массы рабов и создавая из них главные силы армии. Но, разумеется, настоящие рабы в парфянском обществе, в частности в северо-восточных провинциях, не только были, но составляли значительный процент населения.

Места обитания сельского парфянского населения впервые обнаружены в пределах древних областей Парфиены, Апаварктикены, Маргианы. Впервые установлены места парфянских поселений, но многие из них еще не подвергались археологическим раскопкам и регистрируются пока условно как «поселения» при наличии следов хотя бы небольшого укрепленного пункта (например, в 1 км к югу от ст. ж. д. Каушут или Джанлидепе к северу от Байрам Али) и как «стоянки» (соответствующие «кыштау») при отсутствии такового (например, Ядиджа-депе к северу от Душака). Отсутствие какой бы то ни было регулярности и разбросанность — наиболее характерные черты их планировки.

О том, что представлял собой небольшой городок Парфиены Гáтар, упомянутый Исидором Харакским, в 6 схойнах от Нисы, дает представление многогранное в плане, почти переходящее в овал городище Анау. Следы жизни парфянского времени вне стен его в основном прослеживаются по памятникам к югу от городища, вдоль русла сая. Упоминаемый у того же автора город Сирóк, в 5 схойнах от Гáтара, соответствует, по данным ЮТАКЭ, остаткам городища к юго-западу от современного селения Гяурс. В центре его высится средних размеров депе. От древнего кольца внешней стены с северо-западной стороны уцелела часть вала на протяжении около полукилометра. По площади Сирóк уступает Гáтару. Городу Апаварктике как будто соответствуют развалины Куня-Каахка. Площадь городища в виде неправильного вытянутого четырехугольника имеет около 35 га и обведена стеной с часто расположенными башнями, для которых характерны стреловидные бойницы. Примерно в середине находится крупное депе, имеющее в плане вид неправильного восьмиугольника.

Антиохия Маргианская, упоминаемая под этим именем в источниках начала нашей эры, состояла из цитадели (ныне Эрке-кала) и собственно города (ныне Гяур-кала). Городская округа была обнесена некогда стеной,

которая охватывала площадь почти в 60 км² и сохранилась теперь в виде вала Гилякин-Чильбурдж. В его пределах распространена керамика парфяно-кушанского времени. В 1949 г. установлен интересный факт, что остатки поселений кушано-парфянского времени встречаются и за пределами обнаруженной ЮТАКЭ внешней стены, которая при Антиохе I Сотере (280—261) окружала культурные земли Маргианского оазиса.

В отношении же укрепленного города Дара, основанного Тиридатом I в то время, когда Селевк II (246—226) был отвлечен междоусобной борьбой и затем войной на западных границах государства, ЮТАКЭ пришла к отрицательному выводу в смысле возможности отыскания его следов в пределах СССР. Ашхабадские археологи помещали его у выхода долины Дерейум. Было высказано также предположение, что Даре соответствуют развалины Кенэ Баверда, южнее ст. ж.-д. Каахка, однако здесь, по данным ЮТАКЭ, находятся только руины укрепленной усадьбы времени, предшествующего арабскому завоеванию. Помпей Трог (XLI, 5) сообщает, что город Дара был отстроен на горе Запаортене в месте, «укрепленнее и прекраснее которого ничего не может быть»; «оно так окружено со всех сторон скалами, что для охраны его не нужно защитников, и таково плодородие окружающей почвы, что она полна богатств; тут такое обилие ручьев и лесов, что излишек воды дает возможность орошения, а в лесах позволяет охотиться». Все это убеждает, что местоположение Дары следует, повидимому, связать с почти естественной горной крепостью Келати-Надири, окруженной со всех сторон отвесными скалами от 200 до 300 м высоты и имеющей только два входа.

Особая судьба была у Нисы, изучение прошлого которой в значительной мере способствовало тому, что ЮТАКЭ смогла предложить свою периодизацию ее истории и тем самым в известной мере периодизацию истории Парфии. Как крупное поселение Ниса существует со времен первобытного общества, что подтверждается находками в культурных отложениях городища Новая Ниса и в ближайших окрестностях памятников, близких к культурам Анау. О древности города свидетельствует иррегулярная конфигурация плана. Вопрос о том, был ли здесь где-то город Александрополь, возникший в пору македонского владычества, пока остается открытым. Но нет никаких сомнений, что Ниса, или Парфавниса, играла как значительный городской центр определенную роль на всем протяжении времени существования Арсакидского государства, которое было порой максимального расцвета Нисы как города рабовладельческого общества. Собственно город занимал тогда возвышенную территорию городища Новая Ниса (площадью около 18 га), обнесенную мощной стеной из сырцовых кирпичей (42×42 × 12 см³) с многочисленными башнями. Ворота были расположены в восточной части. Подле них на протяжении нескольких столетий существовал некрополь парфянской знати. В южной части возвышалась цитадель, где, видимо, кроме гарнизона, размещались и административные учреждения. На месте одного из них в 1948 г. был найден небольшой архив парфянских документов, написанных черной краской на крупных фрагментах глиняных корчаг-пифосов, обычно на одной стороне, реже на двух. Новая Ниса — это акрополь рабовладельческого города. Обжитые земли разной степени густоты застройки примыкали со всех сторон и были обнесены внешней стеной городской округи. Изучение остатков этой стены с западной и юго-западной сторон показало, что она была сделана из нескольких рядов битой глины (пахса). Вне этой стены с южной стороны находится городище Старая Ниса — территория особого назначения.

В первый начальный период сложения Арсакидского государства (с середины III в. до н. э. до семидесятых годов II в. до н. э.) территория

Парфиены, т. е. собственно Парфии в узком смысле, была областью, где разыгрались события, имевшие существенные последствия и, повидимому, послужившие основанием для установления специальной «парфянской эры», начинающейся, по расчетам некоторых специалистов, в 247 г. до н. э. Вторгшиеся, вероятно, из долины Теджена, группы парнов-даев под предводительством братьев Арсака и Тиридата сумели организовать восстание местного населения против македонских пришельцев и овладели страной. Старший из братьев, Арсак, погиб в процессе борьбы. Тиридат же, воспользовавшись затруднениями Селевка II (246—226), создал себе неприступное убежище в крепости Дара, «построил крепости и укрепил города» (что не прошло бесследно и для Новой Нисы), провозгласил себя царем в городе Асааке, а столицей нового небольшого самостоятельного владения сделал Гекатомпил (вне пределов СССР). Арсак I был предан погребенью в Нисе, чем положено было начало тому, что здесь стали по традиции хоронить арсакидских царей; постепенно здесь сложился своеобразный заповедник-курук, ныне городище Старая Ниса.

Расположенное, как и надлежит царскому заповеднику, несколько в стороне от города, это городище, площадью до 14 га, находится на геологическом останце. Его конфигурации не придали правильной формы, ограничившись только некоторым выпрямлением пяти разной длины фасов. Мощные крепостные стены с часто расположенными башнями были отстроены в несколько приемов, в связи с чем находится факт наличия следов былых въездов и ворот в трех местах. Можно думать, что они не все функционировали одновременно и что в определенные периоды некоторые из них бывали заложены. Внутри городища была пропущена самотеком по исчезнувшей теперь дамбе вода, наполнявшая несколько водоемов, следы которых хорошо видны до сих пор. Площадь большей части городища оставалась не застроенной. Кое-где были древесные насаждения. Под стенами располагались казармы, конюшни и другие подсобные хозяйственные помещения. Примерно в середине и в северном конце городища прослеживаются следы двух крупных архитектурных комплексов, которые сложились не сразу. К остаткам наиболее ранних сооружений на Старой Нисе можно отнести мощную платформу южного комплекса, в среднем до двух метров высоты, сложенную из сырцового кирпича и предназначенную для возведения на ней различных помещений. От последних сохранились угловые оштукатуренные стены, из того же сырцового кирпича, со всех сторон зажатые позднее пристроенными стенами так называемого «красного коридора», парадного зала с четырьмя центральными колоннами и северной кордегардии. На Новой Нисе в эту пору проводились большие фортификационные работы по укреплению самого города. Наиболее ранними объектами первого периода, которые можно датировать, являются найденные на Старой и Новой Нисе наконечники стрел двух типов: бронзовые трехперые с открытой втулкой и железные черешковые двухлопастные.

Второй период, называемый нами «филэллинским», продолжался с семидесятых годов II в. до н. э. до конца первого десятилетия I в. н. э. С первых лет этого периода намечается интенсивный рост военной, политической и экономической мощи государства Арсакидов на базе развития местного рабовладельческого общества, имевшего, однако, еще много примитивных черт. В историко-культурном отношении для этого периода характерен процесс постепенной переработки эллинистических мотивов в изобразительном искусстве. В целом весь период может быть расчленен на три этапа.

Первый этап продолжается до второго десятилетия II в. до н. э., т. е. до начала активной политики Митридата II. Начиная с Митридата I

(171—136) создается крупное Арсакидское государство «с несколькими сотнями городов», упоминаемых китайскими хрониками. Митридат захватывает у Греко-Бактрийского царства сатрапии Аспиону (в районе Арианы) и Тапирию (восточнее среднего течения Теджена, а не близ Гиркании, как полагают некоторые западноевропейские специалисты). При его преемнике, Фраате II (136—127) были вырезаны селевкидские гарнизоны в западной пограничной полосе и преодолено соперничество государства Селевкидов; в то же время прекращает свое существование Греко-Бактрийское царство, и ничто не мешает теперь Арсакидам перенести свою столицу далее на запад, в Экбатану. Но как бы отдавая при этом дань уважения Нисе, месту погребения своих предков, Фраат II дает распоряжение отчеканить монеты с упоминанием этого города. Только осложнения в борьбе с саками на востоке привели к гибели Фраата II и задержали на некоторое время окончательное уничтожение государства Селевкидов. Гибелью в борьбе с тохарами на восточных границах Арсакидского государства кончается в 124 г. и правление Артабана II, о чем сообщают одновременно китайский и римский источники.

На этом первом этапе заповедник-курук Старой Нисы превращается в сильную крепость, поэтому на этом коротком южном фасе сооружается особенно сильный форт, так как, очевидно, врага ожидали с юга. В целях большей безопасности главный въезд устраивается вдоль западного фаса, обращенного в сторону города. Здесь оборудуется дополнительный вход-калитка, который вел к главному фасаду дворцового зала. Стены и башни «раннеантичного» типа одеты прямоугольными зубцами и снабжены как настоящими, так и фальшивыми «стреловидными» бойницами. В южном комплексе появляются на платформе «красный коридор» со смежным помещением и большой, дворцового типа парадный квадратный зал с четырьмя круглыми колоннами (диаметром 90 см) в середине, с пилястрами вдоль стен по нижнему ярусу и с крупными кирпичными колоннами во втором ярусе. Три его парадных входа северо-западного фаса снаружи оформлены перспективно-раскрепованными устоями. В архитектурной декорации помещений этого времени видное место занимают терракотовые плиты в виде акантов, зубцов, карнизов, плит с пальметами, розетками и своеобразных плит, условно называемых «метопами». На последних между двумя прорезными щелями-бойницами помещены изображения, как-то связанные с династией: палица «Геракла», тамгообразный знак, близкий к так называемому «якорю Селевкидов» и эмблеме Атаргатис, символы луны и солнца. Последние заставляют вспомнить, что парфянские Арсакиды считали себя происходящими от детей солнца и луны. Крыши помещений покрываются крупно-плиточной черепицей. Таким образом, здесь налицо процесс сложения нового парфянского стиля, переработавшего эллинистические элементы.

В это же время появляется несколько новых помещений в северном комплексе, где на протяжении первого и второго этапов второго периода концентрируются различные предметы царской утвари, связанные с погребальным ритуалом. К ним относятся, между прочим, найденные в 1948 и 1949 гг. многочисленные ритоны из резной слоновой кости со скульптурными фигурами в нижней части. Последние изображают львоподобных крылатых грифонов, крылатых кентавров-мужчин, одних и с женщинами, юношей с человеческими торсами, коровьими ногами и зебувидными горбами[1], нагих богинь, держащих амфоры, слона с сидящим на нем водителем, фантастических животных и пр. Во фризовых венчаниях барельефом изображены то пантеон главных божеств, то музы, то вакхические и другие

[1] По мнению Г. А. Пугаченковой, они изображают Гопатшаха.

сцены. В карнизах размещены трехчетвертные скульптуры мужских и женских голов разных возрастов. Инкрустированные стеклом и самоцветом, украшенные золотом и серебром хрупкие по своей структуре ритоны парфянских царей были сильно поношены в древности, тогда уже утратили отдельные свои элементы, хотя и подвергались иногда ремонту, причем для скрепления употреблялась серебряная проволока. Ритоны, входившие в погребальный инвентарь, известны по парфянским захоронениям из Селевкии и некрополя близ Демавенда, причем в последнем ритон из красноватой терракоты с протомой горного козла датируется монетой Митри-

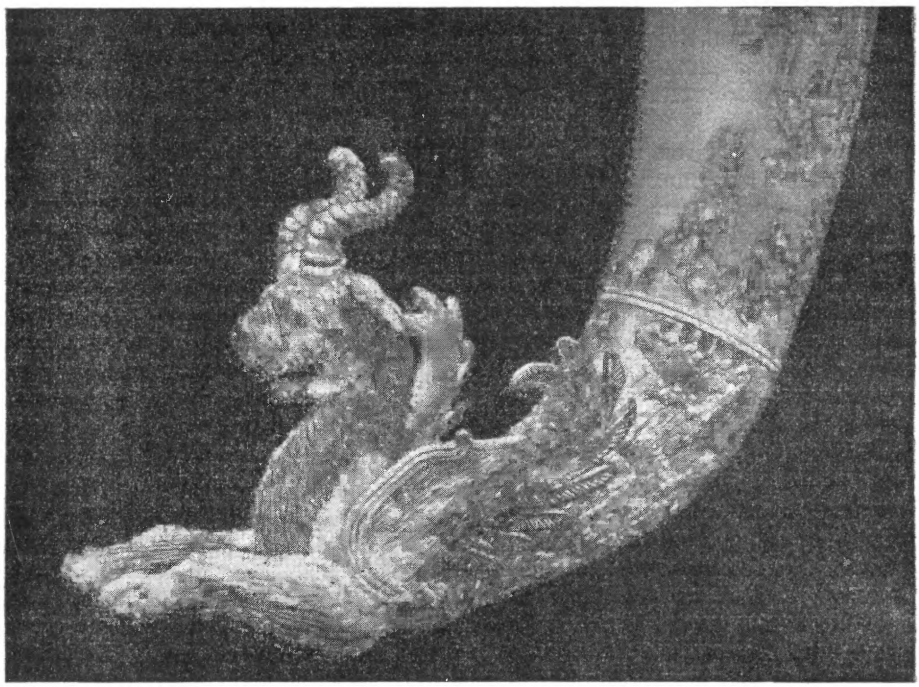

Рис. 1. Старая Ниса. Северный комплекс. Нижняя часть ритона из слоновой кости

дата II[1]. Восточное происхождение великолепных уникальных ритонов из Нисы не вызывает сомнений. Парфия вела большую торговлю слоновой костью во II—I вв. до н. э., и одно это могло способствовать появлению производства резных изделий из нее. Нельзя отрицать, что в исполнении ритонов есть признаки влияния на их создателей обучения в духе восточноэллинистической школы. Однако в унаследованные образы мастера вкладывают новое содержание. Рогатые грифоны, полулюди-полукоровы, крылатые кентавры и т. п.— все это чуждо эллинизму.

В сотнях дошедших на ритонах изображений интересны костюмы. Одни — явно местные: высокие сапожки с разрезными отворотами, длинные в складках штаны, своеобразные парфянские головные уборы. Другие напоминают эллинистические, но не совпадают с ними полностью. Невольно вспоминаются слова Помпея Трога (XLI, 2), который указывает, что одежда у парфян «прежде была особая, после же развития

[1] M. Bahrami, L'exposition d'art iranien à Paris, «Artibus Asiae», XI, № 1—2 (1948), стр. 22.

богатства — прозрачная и падающая складками». Эти эллинизированного типа одежды, оригинальные женские прически, подстрижка мужских усов по-восточному с обнажением верхней губы и ряд других признаков заставляют думать, что многие фигуры фризов в образах муз и других персонажей имеют облик мужчин и женщин из парфянской придворной среды и вообще рабовладельческой филэллинствовавшей знати.

Стилистический анализ позволил уже в 1948 г., в момент находки первых предметов клада утвари парфянских царей, датировать ритоны в основном II в. до н. э. В настоящее время это подтверждается совокупностью данных всего обнаруженного комплекса архитектуры, каменной скульптуры, керамики, оружия (в частности бронзовые трехперые наконечники стрел), палеографии (на одном из ритонов имеется вырезанная надпись ΕΣΤΙΑΣ) и нумизматики. Среди найденных монет имеется несколько подражаний драхмам и тетрадрахмам Александра Македонского из группы так называемых nummi pelliculati, одна тетрадрахма Евтидема I греко-бактрийского (с изображением Геракла) и одна парфянская драхма из группы monnaies sacerdotales, выпущенных при Митридате I (Арсак изображен в головном уборе, как у Камнаскеридов Фраада, Артаксеркса, Аутофрадата I). В числе предметов утвари парфянских царей, найденных в северном комплексе Старой Нисы, заслуживают быть также отмеченными отдельные элементы мебели, выточенные из слоновой кости, в частности от трона Арсакидов, близкие известному по барельефному изображению трону ахеменидского царя Дария.

На Новой Нисе к этому времени относится культовое здание у северной части городской стены, на территории некрополя знати. Монументальная постройка имеет в своей основе платформу из сырцового кирпича. Из него же сложены стены. Низ их снаружи оформлен в виде развитой панели (переработка «ордера» в нормах «азиатской праионики»). Происхождение этой формы связано с местной традицией деревянного строительства. Снаружи до половины высоты устроен колонный айван-терраса с деревянными колоннами на торовидных базах из жженого кирпича с алебастровой обмазкой. В раскраске преобладает сочетание тонов, характерное для современных туркменских ковров: малиново-красный, черный, белый.

Второй этап «филэллинского» периода охватывает время со второго десятилетия II в. и до тридцатых годов I в. до н. э. Это время, когда Парфия постепенно становится достойным соперником Рима на Востоке и достигает апогея внешнего блеска. Начало этого этапа ознаменовано приведением в правление Митридата к покорности саков с превращением их области в сатрапию Сакастену, удачной борьбой с тохарами, завоеванием Маргианы и Арии с выпуском упоминающих эти области памятных монет группы καταστρατεία, заключением союза с Римом в годы борьбы Суллы против Понта, проведением западной границы по Евфрату и одновременным установлением дипломатических отношений с Китаем и с Римом. Мощная Парфянская держава в конце II в. до н. э. с помпой встречает китайское посольство у своих границ, придав ему почетный конвой в 20 тысяч человек. Несмотря на начавшиеся вскоре столкновения с Римом, проходившие с переменным успехом, политическое и экономическое положение Парфии на Востоке в эту пору очень прочно. Показательно, что парфянская драхма с этого времени и до середины I в. н. э. играет видную роль в денежном обращении на рынках сопредельных стран. В частности, на территории Средней Азии (по Аму-Дарье, в Мавераннахре и в более северных областях) эти драхмы нередко встречаются среди местных находок — особенно чекана Синатрука (77—70 гг. до н. э.), Фраата III (70—57 гг. до н. э.), Орода I (56—37 гг. до н. э.) и Готарза (40/41 —51 гг. н. э.). Высшей точки своего могущества Парфия достигла при Ороде I, когда

государство Арсакидов на западе являлось обладателем почти всех земель, входивших некогда в состав Ахеменидского царства. Отныне столица Парфии переносится в Ктесифон, отстроенный Пакором в трех милях от Селевкии, на противоположном берегу Тигра, на месте бывшего селения, где находился военный лагерь. После тяжелого поражения Красса в 53 г. до н. э. парфяне одерживают еще ряд побед над римскими полководцами, в том числе и над Антонием.

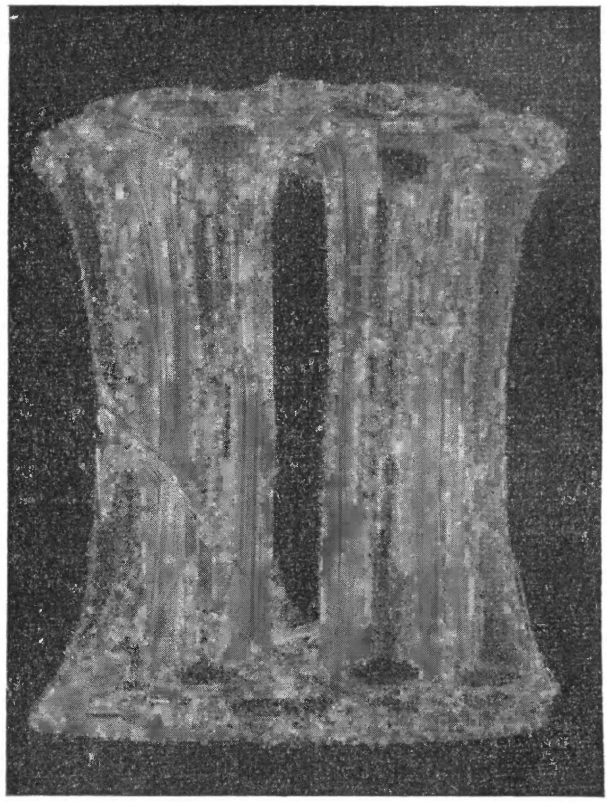

Рис. 2. Старая Ниса. Парфянский сосуд из горного хрусталя

На этом этапе царский заповедник-курук в Нисе пользуется особым вниманием центральной власти. Возможно, что именно в это время в связи с ростом города был оборудован новый въезд вдоль восточного фаса. Внутри разрастается южный комплекс. Здесь отстраивается, между прочим, в южной части так называемый «круглый зал», квадратное снаружи сооружение, имеющее внутри 16 м в диаметре и вход с юга. Всячески поддерживается в первоначальном виде ставший «старинным» квадратный дворцовый зал. Отколовшиеся детали хрупких терракотовых архитектурных плит реставрируют из алебастра. Заметно растет и город Ниса. В нем проживает немало зажиточных семей знати и купцов. У запущенного уже айванного здания близ восточных ворот появляются погребальные камеры представителей парфянской знати. Небольшие, прямоугольные, толстостенные, они сложены из сырцового кирпича, иногда впритык к руинам айванного памятника. В их перекрытии применяются «своды отрезками». Изредка устраиваются одиночные коридорообразные длин-

ные и низкие ниши. Полы, стены и своды покрываются густым слоем красной штукатурки разных оттенков. Так как непотревоженных камер пока не встречено, очень немногое можно добавить к словам ПомпеяТрога, что у парфян «обычное погребение состоит в растерзании собаками или птицами; обнаженные же кости они хранят в земле». Вместе с отдельными кусками человеческих костей во время раскопок камер встречены были остатки неразграбленных золотых украшений в виде тонких трилистников от головного венчика, массивных кованых скрепок и особенно много мелких золотых нитей и бляшек, нашивавшихся на какую-то погребальную ткань. Архитектура, планировка погребальных камер, самый обряд захоронения — все в Нисе иное, чем в Дура Европос и в других некрополях Месопотамии парфянского времени.

Третий этап «филэллинского» периода продолжается с тридцатых годов до н. э. до конца первого десятилетия н. э. Это этап временного ослабления государства, внешних неудач и энергичного вмешательства Рима во внутренние дела Парфии через своих ставленников. Начало нового этапа сопровождалось рядом поражений, нанесенных парфянской армии легатом Антония, Вентидием, гибелью римского ренегата Лабиена и затем в 38 г. Пакора, отречением от престола Орода и, наконец, его убийством собственным сыном, Фраатом IV (37—2 гг. до н. э.). Борьба с Римом после этого шла с переменным успехом, но больше неудач было на стороне Парфии. Фраат IV вернул римлянам все знамена и всех уцелевших пленных из армий Красса и Антония, проживавших в большом числе в Маргиане. В Рим приходилось отправлять заложников-царевичей, которые затем появлялись оттуда в качестве претендентов на престол и ставленников Римской империи. Во время внутренних междоусобий в борьбе за престол соперникам приходилось прибегать к помощи саков. В частности, сам Фраат IV, вынужденный бежать из Ктесифона, вернулся туда около 30 гг. с помощью саков. На востоке начал свои завоевания создатель государства «великих кушан» Кадфиз I, войска которого появились у пределов Парфии. В среде парфянской знати усиленно нарастал протест против всего, исходившего из Рима, чуждого, не своего. Царевичи из дома Арсакидов свергались, убивались, изгонялись.

В такой обстановке подготовлялся переход к новому, третьему периоду, характеризующемуся антиэллинским направлением в политике и новым расцветом парфянской культуры, который продолжался с 10 до 162 г. н. э. Первый этап этого периода охватывает время до 50-х гг. I в. н. э. Парфянская знать останавливает свой выбор при подыскании подходящей кандидатуры в цари на зяте Фраата IV, правителе Мидии, в надежде, что он будет послушным орудием в ее руках, в чем она не ошиблась. Новый царь стал править под именем Артабана III (10—40 гг. н. э.). Ему наследовал приемный сын Готарз (4041—51), выдержавший борьбу с родными детьми своего усыновителя. Последовательным продолжателем антиэллинской политики был и наиболее яркий ее представитель Волагаз I (51—77/8).

Политика уступок Риму сменяется активным противодействием ему, в частности в Армении. Уже с Артабана III отмечается так называемая «варваризация» легенд на монетах, а с Волагаза I греческие легенды вообще начинают заменяться надписями арамейского алфавита. Последний государь даже сделал попытку перенести столицу из слишком эллинизированного Ктесифона в отстроенный на правом берегу Евфрата Волагасокерт, куда парфяне стремились перетянуть мировую торговлю из Пальмиры. Еще при Готарзе удавалось поддерживать значение парфянской драхмы на рынках соседних зарубежных стран, но при его преемниках в связи с ухудшением металла парфянское серебро почти перестало выходить за пределы Парфянского государства.

Попытки восстановления «наследства Кира» постоянно встречали на западе препятствия со стороны Рима. На востоке началось соперничество с государством «великих кушан», причем инициатором военного столкновения являлся Кадфиз I. Артабан III был занят борьбой с Римом и был еще слишком слаб для организации решительного сопротивления кушанам, тем более что ему самому трижды в своей жизни пришлось получать парфянский престол. В 35 г. он для этого искал опоры в коренных северо-восточных провинциях Парфии. Зато Вардан совершил небезуспешный поход против кушан на восток до границ ариев и дахов, чем, может быть, и способствовал в известной мере приостановлению экспансии обоих Кадфизов в сторону парфянских владений. Во всяком случае уже на этом первом этапе наметилось особое значение Парфиены (а тем самым и Нисы) в дальнейшей истории новой Арсакидской династии и всей страны. Это хорошо видно из археологических памятников второго этапа третьего периода (51—122 гг). Наиболее характерным явлением этого времени было расчленение государства на отдельные владения разной степени самостоятельности, иногда с членами правящей династии во главе. Наметившийся уже раньше, этот процесс особенно активно стал протекать с того момента, как в 61 г. была признана автономия Гиркании. Вслед за ней отпал целый ряд провинций, и Плиний писал, что «всех парфянских царств восемнадцать»; из них одиннадцать начинались у границ Армении и у берегов Каспийского моря, доходя до скифов; остальные семь назывались «нижними», т. е., очевидно, были или восточными, или южными. Характерно, что этот римский автор особо отмечает к северу от коренных земель Парфии, т. е. в Каракумах, наличие «потусторонних» кочевников-парфян (VI, 25).

При всем том сохраняется тенденция парфянских царей к централизации. Этому способствовало отчасти то, что при Волагазе Арсакиды занимали престолы Армении, Грузии, Атропатены, Гиркании, индо-парфянских владений и др. Вероятно, в эту пору жил и тот арсакидский царевич на далеком юго-востоке Парфянского государства, который в буддийской литературе упоминается как переводчик с санскритского на китайский. Создавшееся положение делало особенно важным задачу поддержания более крепких связей между членами правящей династии и теми парфянскими племенами, которые у себя на родине консервативно сохраняли военно-демократическую организацию и могли всегда явиться централизующим ядром военной силы, составлявшейся из разрозненных групп вооруженных людей, которых поставляли правители разных областей.

Второе характерное явление — это политика поддержания «добрососедских отношений» с опасными соперниками: Римом и Кушанским государством. Возможно, что с этой политикой, в частности с ожиданием активных действий со стороны нового, вступившего на кушанский трон государя Канишки, как-то связана посылка парфянского посольства 87 г. в Китай. Если ожидавшееся около 88 г. многими врагами Рима столкновение его с Парфией не произошло и запечатленное в Апокалипсисе «пророчество» не сбылось, то все же несколько позднее, в начале II в. н. э., война между ними вспыхнула и одно время даже привела к занятию в 116 г. Ктесифона и захвату Траяном трона арсакидских царей.

Наконец, третье характерное явление рассматриваемого этапа — это дальнейшее усиление антиэллинского движения. Внешне это нашло выражение, в частности, в вытеснении из употребления эллинизированной географической терминологии. Не случайно в это время Александрию Арахозскую (Угэшанлы) китайцы упоминают под новым местным наименованием, дожившим до арабского завоевания,— Панджвей (в китайской

передаче — Пайчите), а Антиохию Маргианскую именуют впервые в истории Мервом (в китайской передаче — Му-лу).

Именно к этой эпохе, а не к какому-либо другому времени, следует относить попытку (отрицаемую некоторыми специалистами, переоценивающими роль сасанидского Ирана) организовать сбор письменных и устных отрывков старинных народных преданий и верований, с целью в дальнейшем дать их сводку, какую-то редакцию той Авесты, которая позднее снова будет подвергаться ревизии уже при Сасанидах

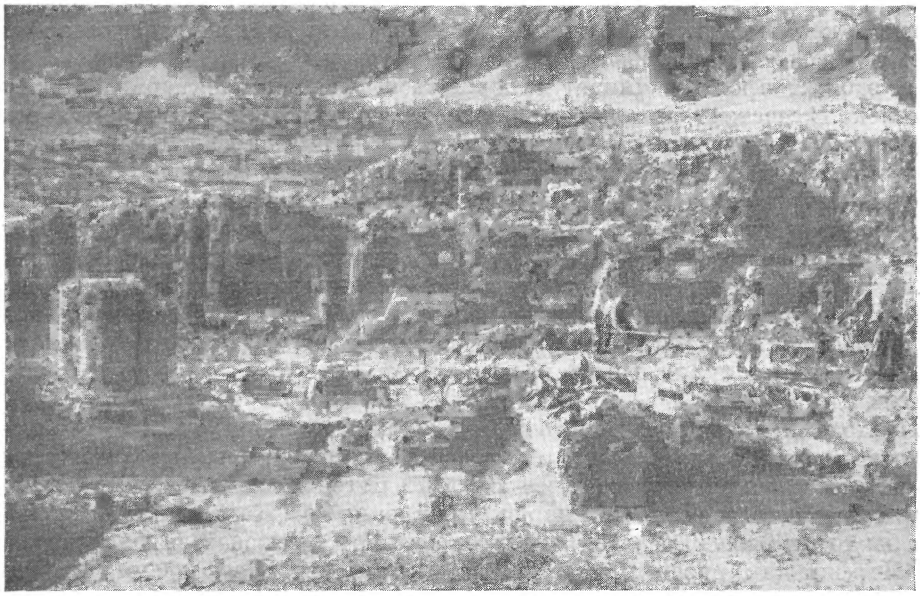

Рис. 3. Раскопка дворцового зала с четырехлопастными колоннами

Рассматриваемый второй этап очень ярко отразился в памятниках Старой Нисы. Новая династия, утверждая не только преемственность власти, но прямое родство с Арсакидами, а также преследуя упомянутое стремление опираться на население коренных парфянских земель, уделяет особое внимание былому царскому заповеднику-куруку и его великолепному архитектурному дворцово-культовому комплексу. Дворцовый парадный зал, пришедший за почти двести лет своего существования в состояние разрушения (вероятно, не без влияния землетрясений и отчасти из-за слабости центральных высоких опорных столбов), коренным образом реконструируется. При той же квадратной площади появляется зал нового, более мощного стиля. Старые строительные материалы (лекальные кирпичи колонн) и архитектурные керамические детали при вторичном использовании в большом количестве идут на забутовку фундаментов и на выкладку гнезд для новых кирпичных полуколонн нижнего яруса, которые располагаются в промежутках между былыми пилястрами. Последние стесываются заподлицо со стенами и заштукатуриваются. Не оправдавшие себя круглые столбы в середине зала заменяются мощными четырехлопастными столбами восточного типа, как бы слившимися из четырех крупных колонн. В верхнем ярусе появляются взамен кирпичных колонн круглые «стойки» облегченного типа, имеющие деревянную основу и обмазанные снаружи сперва глиной, а затем алебастром. Во втором ярусе размещаются крупные (больше 2 м), полые внутри мужские и женские

глиняные раскрашенные статуи. Зал сочетает функции «аудиенц-зала» и, может быть, «зала обожествленных предков».

Формы, детали, конструкции — все это характеризует преодоление «эллинистических» и торжество местных традиций. В связи с новыми функциями как бы изменяется «идеологическая ориентация» самого помещения. В западном фасе из трех парадных проходов два наглухо закладываются, а центральный превращается в широкую парадную нишу, около которой в 1946 г. ЮТАКЭ обнаружила фрагменты глиняной мужской статуи, сидящей с вытянутой вперед правой ногой (поза Арсака I на парфянских монетах). По сторонам восточного прохода вплотную пристраиваются кордегардии, в которых в 1947 г. были найдены позднепарфянские железные черешковые наконечники стрел.

В это же время начинает завершаться весь архитектурный южный комплекс.В частности, «круглый зал» обносится обводным коридором, подобным тем, которые строились в «храмах огня» парфянского времени. Южный проход его наглухо закладывается. Внутри заметно повышается уровень нового пола. В обводном коридоре, как и в «красном коридоре», рядом с квадратным залом раскопки 1949 г. обнаружили вотивные алебастровые комья с пустотами внутри и клеймами со знаками каких-то букв «квадратного» начертания снаружи. В северном комплексе появляются новые пристройки. В разных помещениях обоих архитектурных комплексов получают развитие сводчатые конструкции. В декорации отмечаются цветные штукатурки и окраска как статуй, так и архитектурных скульптурных деталей.

Последний, третий этап третьего периода, длившийся с 122 по 166 г.,— это этап сорокалетнего мира с Римом. Можно думать, что известное status quo уравновешивалось на Востоке потенциальной опасностью со стороны государства кушан в период правления там Канишки и Хувишки. Как бы то ни было, но длительный мир не мог не сказаться благотворно для Парфии как страны и не задержать на некоторое время развитие процесса, приведшего государство к гибели. В его западных областях отмечается в эту пору новая волна эллинистического влияния, которое шло из императорского Рима, но в изучаемых ЮТАКЭ памятниках собственно Парфиены это влияние совершенно не заметно.

На Старой Нисе подходит к завершению создание обоих архитектурных комплексов примерно в том виде, как остатки их дошли до нас,— с двориками, колонными портиками, помещениями хозяйственного назначения. В одном из них в 1946 г. был обнаружен пифос-хум с нанесенной черной краской парфяно-пехлевийской надписью не позднее конца II — начала III в. н. э.

Четвертый и последний период в истории Парфии охватывает несколько десятилетий с 162 до 226 г. Это период окончательного разложения всей системы крупного рабовладельческого государства. Ему сопутствуют почти постоянные военные столкновения с Римом, протекавшие, как и раньше, с переменным успехом. Столица Ктесифон несколько раз переходила из рук в руки. Вавилон в 198 г. достался римлянам почти пустым и в развалинах. Септимий Север вслед за взятием Селевкии и Ктесифона увел в плен до 100 тыс. человек. В 217 г. Каракалла завладел Арбелою, разорил находившиеся там могилы некоторых парфянских царей, похороненных вдали от родного курука в Нисе, и велел в порядке осквернения разбросать их кости и прах.

И тем не менее в государстве нашлись силы, обеспечившие блестящий реванш, нанесшие ряд крупных поражений римским армиям и как бы воскресившие былую славу парфянского оружия. Эти силы дали экономически и политически окрепшие отдельные владения с наследственными

правителями, на которые давно фактически распалось Парфянское государство. Среди них в III в. выделялось владение Персида, где правили потомки Сасана, и арабское Хирское княжество с династией Лахмидов. В значительной мере благодаря войскам Хира Гелиогобал (218—222) потерпел одно за другим два крупных поражения и вынужден был выплатить парфянам контрибуцию в 5 млн. динариев. Можно с большой уверенностью утверждать, что римское золото не дошло до государственной казны Арсакидов, а было распределено между теми, кто обеспечил своими отрядами разгром римских легионов. Показателем печального состояния государственной парфянской казны в эту эпоху служит отчасти чекан последних Арсакидов, среди которого очень много низкопробных монет типа nummi pelliculati (т. е. кружков из неценных металлов, обтянутых серебряной пленкой). В Средней Азии чаще всего встречаются такие тетрадрахмы Волагаза V.

Перед концом государства Арсакидов все области, кроме основной Парфии, управлялись самостоятельными правителями и «царями племен». К этому последнему, четвертому периоду, когда коренные земли Парфиены оставались основным ресурсом арсакидских царей, значение для них Нисы стало особенно существенным как в идеологическом, так и в материальном отношении. Это не могло не найти отражения в проявлении некоторой заботы к династическому куруку. И действительно, в обветшавшем от времени дворцовом квадратном зале осталось немало следов убогой реставрации. Выпавшие из гнезд кирпичные полуколонки заменяются глиняными. Подновляются глиняные статуи. На стены наносится новая белая штукатурка. Кое-где производится частичная подкраска. Следами этих жалких ремонтов являются также обнаруженные в некоторых помещениях разбитые глиняные чашки с остатками красок, так и не выметенные, видимо, в связи с последовавшим вскоре опустением всей Старой Нисы вслед за падением династии. Ремонт велся еще буквально в последний момент существования Арсакидского государства. На Новой Нисе с последним периодом связано появление погребальных камер III яруса в некрополе знати у восточных ворот. Они беднее по своему оформлению: полы их выложены хрупкими кирпичными плитами плохого обжига; перекрытия даны в виде сводов отрезками. Кое-где в полу камер устроены небольшие «тайнички» — показатель, что наступило неспокойное время, когда нелегко было обеспечить неприкосновенность могил с их ценным инвентарем. Неразграбленного «тайника» при работах ЮТАКЭ не встречено.

Крушение Парфии как государства и упадок династии Арсакидов — это результат распада крупного рабовладельческого государственного образования, который обусловлен внутренними процессами и наступлением того периода кризиса рабовладельческой формации, который одновременно сводит почти на-нет не менее значительное рабовладельческое государство кушан.

Гибель Артабана V в борьбе с царьком Персиды, Арташиром, знаменует наступление в жизни Парфиены и Нисы новой поры, изложение истории которой не входит в данный момент в мою задачу. Замечу, что в значительной мере для этого периода характерна борьба со всем, что как-либо напоминало Парфию. В этом Сасаниды преуспели вполне. Народный эпос не сохранил четких представлений об Арсакидах. Термин «Парфиена» был выведен из употребления и заменился в узком значении термином «область Нисы», в более широком — термином Хорасан. Царский курук был предан разрушению и разграблению. Сам город Ниса скоро запустел.

В результате новых исследований ЮТАКЭ и дальнейшей углубленной проработки вопроса, под натиском новых красноречивых фактов кое-что из высказанного, несомненно, будет в дальнейшем уточнено, пересмотрено

и изменено. Но ряд наметившихся положений уже достаточно обоснован. В свое время В. В. Бартольд утверждал, что «после перенесения столицы парфянской державы в Селевкию и Ктесифон связь династии с ее восточными областями должна была ослабеть»[1]. Прошлое Нисы в свете работ ЮТАКЭ наглядно убеждает в противном. Тот же В. В. Бартольд, который отводил Парфии очень скромное место, обосновывал это тем, что Арсакиды ничего якобы не сделали даже для поднятия куль-

Рис. 4. Новая Ниса. Острак с парфянскими письменами

туры своих коренных восточных областей (ук. соч., стр. 367). Это мнение основано было в значительной мере на argumentum ex silentio, и уже сейчас очевидно, что за время существования Парфянского государства на Востоке кое-что было сделано.

Факты, выявленные советскими археологами, вносят много нового в понимание малоизвестных до сих пор культуры и искусства Арсакидского государства, о которых имеется немало разноречивых высказываний зарубежных буржуазных специалистов. Н. Д. Дибвоиз, исходя из материалов, полученных при археологических работах в Селевкии, особое значение придавал памятникам эпохи с 69—70 гг. до 200 г. н. э., которые,

[1] В. В. Бартольд, Восточно-иранский вопрос, ИРАИМК, II (1922), стр. 269.

по его мнению, представляют типичную парфянскую культуру, простиравшуюся от Ура до Ниппура и Орхоза (Варки). Этот период он расценивал как «восточную реакцию и вторжение парфянского влияния в месопотамскую культуру»[1]. Между тем работы ЮТАКЭ наглядно показали, что «типичную парфянскую культуру» следует искать и можно будет установить не на территории от Ура до Ниппура, а много северо-восточнее, в частности в пределах СССР. О. Ройтер видел в развитии парфянского зодчества две основные фазы: одну эллинистическую и вторую — несущую черты влияний римской архитектуры, причем усматривал в одном этапе возврат к ассиро-вавилонским традициям[2]. Старая, восходящая к концу XIX в. концепция О. Шуази сводилась к полному отрицанию культурной роли Парфии. Французский исследователь писал буквально следующее: «С падением династии Ахеменидов развитие искусства Персии приостанавливается и начинается период почти полной бездеятельности; от времени парфянской династии до нас дошли памятники, которые представляют собой лишь подражания»[3]. Несмотря на протекшие с тех пор более чем полвека, среди зарубежных специалистов не только есть сторонники этой теории, но некоторые пошли еще дальше. Из них самую крайнюю позицию занимает Э. Херцфельд, расценивающий почти полутысячелетнее существование Парфянского государства как неуклонную деградацию культуры, как полный упадок архитектуры, как декомпозицию скульптуры и вырождение живописи. По словам Э. Херцфельда, созданные парфянами «произведения искусства напоминают рецидивы доисторических примитивных ступеней; примитивность не юности, но импотентного возраста»[4]. В свете новых работ ЮТАКЭ школе Э. Херцфельда и ее последователям можно указать, что проводившаяся в былое время Сасанидами политика по искоренению из памяти людей всего, что связано с деятельностью многих поколений, живших, трудившихся, творивших в течение почти пяти столетий на территории Парфии,— теперь, много веков спустя, оказала влияние на их научную продукцию. Советским ученым легче всего рассеять этот туман и вернуть исчезнувшим поколениям и их потомкам (в частности, и туркменскому народу) то, что ошибочно записывалось в научных инвентарях как относящееся к памятникам сасанидского времени. При справедливом дележе культурного наследства прошлого между народами можно ставить на беспристрастное обсуждение проблему, не обязана ли Парфии и Северная Индия кое-чем из того, что в ее культуре первых веков нашей эры считается привнесенным с далекого эллинистического запада?

Пора покончить с западной односторонностью в изучении истории Парфии, свойственной буржуазной науке, тем более, что значительная часть коренных земель собственно Парфии, где зародилось Арсакидское государство, по данным ЮТАКЭ, до конца имели для Парфии большое значение; в их культурных наслоениях запечатлено много ценного, специфического для подлинной парфянской культуры. Местонахождение их — на территории южной части Туркменистана, т. е. в пределах СССР.

[1] N. D. Debevoise, The Origin of Decorative Stucco, AJA, XLV (1941), № 1, стр. 46,57.

[2] O. Reuter, Parthian Architecture. A Survey of Persian Art, т. I, L.—N. Y., 1936—1939, стр. 411, 428—435, 444.

[3] О. Шуази, История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 122.

[4] E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, L.—N. Y., 1941, стр. 285, 305—306.